

Тоня Третьякова

ВСЕ ДЕТИ КАК ДЕТИ

Тоня Третьякова

Все дети как дети

<https://litres.ru/74188159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга не про идеальную мать, а про самую настоящую — уставшую, любящую, раздраженную и счастливую одновременно. Тоня Третьякова на собственном примере (трое детей, один из которых — с инвалидностью) доказывает: даже своих собственных любить трудно, и это нормально.

Её текст — как жилетка, в которую можно выплакаться, и как бокал шампанского, после которого все проблемы кажутся решаемыми. Без назидательности, зато с мягким юмором, неожиданными открытиями и ситуациями, где каждый узнает себя.

Эта книга — разрешение не быть супер-мамой, возможность выдохнуть и сказать себе: «Ты не одна такая, расслабься». Брать, читать, ржать, рыдать — словом, делать то, что помогает жить дальше. Ты ж мать!

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тоня Третьякова

Все дети как дети

Отзывы о книге

Это книга про маму, переставшую чувствовать радость, которую даёт любовь к детям. Мама пошла к психологу, и там за хвост поймала всех своих тараканов, которые шептали ей, что она плохая мать, что материнство — это ад и сломанные планы, и что позор твоего ребенка — это равно твой позор. В зеркале каждой её ситуации можно многое рассмотреть о себе.

В итоге происходит полная трансформация от мамы, «раздавленной» материнством, до мамы, вдохновленной им. При этом даже диагноз ребенка (диабет) играет здесь вполне эпизодическую роль. Книга вполне универсальная. Это великолепное путешествие в самую мякотку безусловной любви. Очень рекомендую!

Ольга Савельева

писатель, блогер, артист

Все книги как книги, а эта... Книга-пластырь на исцарапанное материнское сердце. Книга-плечо. Книга-жилетка. Книга-подруга. Книга-«ты не одна такая,

расслабься». Брать, читать, ржать, рыдать. Ты ж мать!

Анастасия Шиллер

писатель, литературный редактор

Эта книга — не о том, как стать «правильной» мамой. Она о том, как перестать воевать с реальностью. С ребёнком, с диагнозом, с собой... и начать слышать и любить по-настоящему.

Очень живая, светлая история о материнстве без глянца, но с юмором, страхами, приключениями и надеждой. Книга, после которой становится чуть легче дышать и маме, и ребёнку.

Ирена Квасневская

писатель, сценарист, мама пятерых детей

Введение

— Мама, ты что, меня не любишь? — дочь обвиняюще ткнула пальцем в экран.

Я заерзала на стуле, мечтая не то провалиться сквозь землю, не то отправить в подарок соседям снизу свой ноутбук. На экране светился заголовок книги «Как полюбить своего ребенка?»

— Конечно, люблю, мой пельмешек! Просто...

Это очень непростая история.

Бабушка верила: дети обуты, накормлены, трусы каждый день меняют — значит, у них хорошая мать. Мама ратовала за бесконечные кружки, школу с «углубленным развитием» и хороший вуз в перспективе.

Но сейчас почувствовать себя любящей матерью труднее, чем получить звание мисс Вселенная.

Нам говорят, когда надо любить своего ребенка: впервые приложила его к груди — и все внутри «сжимается от всепоглощающей нежности». Хотя обычно все дело в отхождении плаценты.

Как любить: по голосу сердца найти своего потерявшегося ребенка в лесу и тут же из подручных материалов соорудить ему полезный, экологически чистый ужин. Если ты не способна на материнский подвиг, что ты за мать такая? Ненастоящая, что ли?

Что надо при этом ощущать: чувство глубокого внутреннего удовлетворения должно охватывать при одной мысли о должностях, которые не стали твоими, похороненных романтических моментах и увлекательных занятиях, которыми ты бы мечтала заняться. Когда-нибудь. Если бы не...

И вот ты сидишь с этими сказками в голове и чувствуешь себя какой-то неправильной. Недоматерью. Потому что вместо нежности — раздражение. Вместо умиления — усталость. Вместо радости от общения с ребенком — напряжение и чувство вины.

Ты понимаешь, что недодаешь ребенку чего-то важного. И себе тоже.

Об этом нельзя рассказать даже на приеме у психолога, потому что маму еще можно не любить, но вот собственного ребенка...

Между тем, если ты взяла эту книгу, то с любовью у тебя все в порядке. Ты любишь, просто твои ожидания не совпадают с реальностью. Ты перестала чувствовать радость, которую должна давать любовь.

Родительская любовь — как вода из лейки для маленького ростка. Растение может вырасти и без нежного полива. Но с ним оно вырастет таким, что залюбуешься.

Задача этой книги — научиться чувствовать любовь. Ощущать радость от общения с ребенком, а не раздражение, вину и страх.

Я покажу, как это случилось со мной. Когда моя средняя

дочь заболела сахарным диабетом, и несколько лет вся семья выбиралась из-под обломков этой катастрофы. Когда бесконечные страхи и обязанности погребли под собой родничок родительской любви и потребовались серьезные усилия, чтобы откопать его заново. Но все старания окупились: вместо привычного раздражения и чувства вины, я вдруг ощутила умиротворение и внутреннюю улыбку.

И не думай, что уже слишком поздно. Даже если у твоего ребенка уже пробивается седина. Настоящая любовь не знает расписания и возраста — она начинается в тот момент, когда ты решаешься снять маску идеального родителя и позволяешь себе просто быть.

Глава 1

Окончание курса в школе раннего развития «Малышок» по традиции отмечают большим концертом. Мы собрались туда всей семьей, но в последний момент старшая дочь убежала на встречу с очередным кавалером, у мужа откуда ни возьмись вынырнул в расписании семинар, так что мы взяли с собой только трехлетнего Женьку. Взволнованные мамы со своими выпускниками собрались в актовом зале, торжественно украшенном шариками, плакатами и почему-то склеенными из бумаги туфельками.

Дана жевала пояс от платья. Сначала наматывала его на палец, потом осторожно прикусывала, а затем начинала увлеченно причмокивать. В общественном месте, зараза такая, а ей, между прочим, почти семь лет!

— Степан Вылегжанин, — объявила директриса. Молодая и свеженазначенная, она сама сидела в комиссии конкурса чтецов в местном доме творчества — ей еще не надоело.

— «Мама». Стихотворение Агнии Барто.

Голос был звонким, а стихотворение — немного девчоночьим, но все хлопали. Степа старательно улыбнулся и ушел со сцены.

— Дан, когда будешь рассказывать стихотворение, не забудь назвать автора. Помнишь, кто написал?

— Да.

— Ну? Кто написал?

— Марина.

— А фамилия?

Дана засопела. Фамилия была прочно забыта.

— Цветаева. Повтори: Цве-та-е-ва. Ты вот Борохова, а она

— Цветаева. Как можно не запомнить такую простую вещь?

Я, например, Марину Цветаеву сразу запомнила, еще в школе. И в институте закрепила за пять лет обучения, а потом еще в разговорах с мужем-филологом.

— Танк едет и стреляет: бдыщ! Бдыщ! Мам, ты не слушаешь! — Женька перешел от спокойного созерцания к диалогу.

— Я все слышу. Танк стреляет: пыш... пыш...

— Мам, пыш-пыш — это промывалка для носа. А танк — бдыщ-бдыщ!

— Дана Борохова! — объявляет директриса.

Как, уже? Торопливо расправляю платье, засовываю изжеванный пояс в карман.

— Удачи, солнышко, я с тобой!

Борюсь с желанием закрыть глаза. Хорошо бы сделать вид, что это не мой ребенок, я вообще сюда случайно зашла — перепутала центр детского творчества с детским садиком. Чтение стихов совершенно не для Даны: она путает слова, тараторит, как пономарь, и жует пояс. Я бы ни за что ее сюда не повела, но она хотела получить грамоту — их всем участникам дают. К тому же наша учительница сказала, что дочке

будет полезно преодолеть страх сцены.

Героическим усилием держу глаза открытыми. Веки смыкаются, как намагниченные, а тщательно отрепетированная улыбка того и гляди отклеится.

— Стихотворение «Мы на даче», — объявила Дана и потянулась за поясом.

Я сделала страшные глаза и замотала головой, как будто у меня начался Паркинсон. Дочь неуверенно вынула руку из кармана.

— Мы на даче: за лугом Ока серебрится, серебрится, как новый клинок...

Радостно киваю. Растопырываю пальцы в разные стороны и прикладываю их к волосам, как пьяный олень.

— Наша мама сегодня царица, на головке у мамы венок!.. — облегченно выкрикивает Дана.

Улыбка перестает быть приклеенной и начинает излучать мегаватты счастья. Вцепляюсь руками в волосы, делая вид, что отбрасываю от себя довольно упитанных вшей величинной с мышь. Соседи на всякий случай отодвигаются подальше.

— Наша мама не любит тяжелой прически — только время и шпильки терять! — переводит дочь мои действия окружающим.

Падаю вперед как подкошенная, едва успеваю подставить руки, чтобы не стукнуться о соседку.

— Упал... Кто-то упал. Лучик? Это лучик упал! — дога-

дывается чтица.

Директриса в растерянности смотрит на меня. Агнию Барто она могла подсказать по памяти, но не Цветаеву.

— Тихий лучик упал сквозь березки на одну шелковистую прядь!.. — выкрикиваю я с места, наплевав на правила.

— А-а-а-а, я забыла-а-а-а! — Дана закрывает лицо подолом. Колготки немного съехали, майка выбилась, и на животе видны синяки от уколов.

— А-а-а! — подхватывает рев сестры Женька. Я бросаюсь к сцене, не обращая внимания на ноги сидящих.

— Опусти платье, не сморкайся в него! Что за девчонка! Все дети как дети, а ты вечно что-нибудь выкинешь. Да слезай же ты вниз!

— Гра-а-а-моту-у-у, — выла Дана, — не да-а-али!..

Я хочу бросить ее здесь, и пусть хоть обречется! Хочу схватить за волосы и постучать ей об пол. Хочу, чтобы она не плакала и ей не было больно.

Наученная горьким опытом общения с нами, директриса бросается к столу и спешно выписывает грамоту.

— Вы б сахар померили, — с великолепным снисхождением советует мама Илюши. Илюша сидит рядом с ней — в отглаженной рубашечке, с идеальной прической волосок к волоску и с идеальным сахаром. Он тоже диабетик, как и Дана. Но во всем остальном мы как ад и рай.

Выволакиваю детей из зала. В кулаке Дана сжимает грамоту, поднимая ее над головой, чтобы брат не дотянулся.

— Вот вечно одни проблемы от тебя, когда уже повзрослеешь?! Что ты орешь, как двухлетняя? Сколько раз говорить, что юбку задираешь неприлично? А?

Дрожащими руками раскладываю глюкометр прямо на подоконнике. Выуживаю тест-полоску из коробочки. Когда мы впервые столкнулись с диабетом четыре года назад, глюкометр был непонятным и пугающим — аппарат, похожий на телефончик, которому надо скармливать каплю крови. Вставляешь тест-полоску, тычешь в палец специальным прокалывателем — и вуаля, узнаешь уровень сахара в крови. На этот раз он неплохой — 7 ммоль/л. У здорового человека этот показатель должен быть от 3,8 до 5,9 ммоль/л, но для нас целевой диапазон — от 4 до 8,8 ммоль/л.

Уровень глюкозы неплох, но это еще хуже. Значит, на сахар не свалишь. Моя дочь — невоспитанная, безголовая, инфантильная дура. Как жить с этой мыслью?

— Н-на, переодевайся! — Ботинки врезаются в пол с такой силой, что подпрыгивают. — Глаза б мои на вас не глядели! Собирайтесь, ну? Почему вы в своем зрелом возрасте не можете одеться самостоятельно?

По дороге домой я молчала, чувствуя, что стоит сказать слово — и меня разорвет на тысячу взбешенных кусочков. Дана с Женькой, переодевшись, юркнули в комнату, а я принялась кружить по гостиной.

Как только на глаза попадались фотографии детей, внутри вскипала волна раздражения. Приходилось ускорять шаг и

скоро я почти бежала по комнате, благо мебели у нас не так уж много.

Что со мной происходит? Все вокруг прекрасно справляются с воспитанием детей. Они не злятся и не психуют из-за того, что ребенок ведет себя не так, как полагается. Находят правильные слова. Не рывкают в запале, а потом не рыдают в туалете от жалости.

Может, я схожу с ума? Или заболела страшной болезнью, при которой утрачивается адекватность и способность контролировать эмоции?

От звука веселого смеха Даны в груди становится тесно. Как будто малыш сжал в кулаке резиновую игрушку, безжалостным детским кулачком вдавил ребра в позвоночник, добиваясь отчаянного писка. До самой мякотки, до перехваченного спазмом сердца, до целлулоидно-желтых кругов перед глазами.

Неужели я... не люблю своего ребенка?

Глава 2

Ежедневные дела очень быстро берут нас в оборот, не оставляют времени на самокопание. Утренник прошел только вчера, но ужасный день уже подернулся ряской забвения. Надо приготовить обед, потом позвонить маме и статью для заказчика пора бы уже писать, а еще...

В комнате что-то загрохотало. За стенкой уже давно происходила какая-то суета, но там был муж, поэтому я думала, что обойдутся без меня. Кажется, ошиблась.

— Что опять случилось?

— Перекололи. Дана чуть не гипанула, еле сок успел в нее влить, — ответил Леша.

Для ребенка с сахарным диабетом низкий уровень сахара в крови не менее опасен, чем высокий. При слишком низком уровне сахара развивается гипогликемия. Если вовремя не засечь это падение, то легкая гипогликемия может перейти в тяжелую, при которой человек теряет сознание и бьется в судорогах.

Гипогликемия может даже привести к смерти, причем если рост сахара крови происходит постепенно в течение нескольких часов, то падение совершается стремительно. Если ты не успел дать ребенку глюкозу, когда его сахар равнялся 3 ммоль/л, то через пятнадцать минут можешь уже не успеть ничего, так как сахар упадет ниже 1,5 ммоль/л и доч-

ка потеряет сознание.

Мозг в эти моменты фактически отключается и ребенок ведет себя неадекватно.

Внезапный вопль Даны заставляет меня подскочить.

— Сколько можно!? — вторит ей муж.

— Господи, Леш, ты-то что кричишь? Я чуть не оглохла.

— На ровном месте истерит, — муж набычивается и на его лице появляется фирменное выражение «она первая начала».

— Ей же плохо! Выйдите все отсюда.

Медленно опускаюсь на колени перед рыдающим комком кудряшек и локтей. Неужели я только вчера думала, что могу ее не любить? Вот эту сопливую и яростную, для которой не раздумывая отдала бы всю свою кровь с нормальным уровнем глюкозы.

— Уйди! — бушует Дана. — Не хочу тебя! Буду у других людей жить!

— Ты мое солнышко, ты моя зайныка. Мне без тебя будет очень плохо.

— Не будет. Вы меня не любите.

— Будет, — шепчу я правду, чувствуя, как соленые капли солидарности текут по щекам.

Дана пытается перевести дыхание, но всхлипы никак не прекращаются. Ничего, сок уже начал действовать, сейчас станет лучше, станет легче.

Дочь залезает ко мне на колени. Мы обнимаем друг друга

и какое-то время всхлипываем в унисон.

— Почему ты плачешь?

— Я очень боюсь, — признаюсь я. — Когда ты так кричишь, я страшно пугаюсь. Помнишь, как жучок боялся чудовищ в темном лесу?

Маленькая горячая щечка кивает у моего плеча.

— И я тоже боюсь, что к тебе внутрь забралось чудовище. А моей девочки нет.

— Давай я тебе платочек принесу, — предлагает моя великодушная дочь.

Киваю, чувствуя, что рыдания подступают к носу и вот-вот сметут плотину неловкой улыбки.

Используя пару упаковок платков, наблюдаю за тем, как Дана склеивает пластилином эти грязные комочки, стараясь собрать что-то вроде большого облака. На ее лице ни тени воспоминаний о недавнем плаче.

Снова чувствую, что дочка как будто на полградуса сдвинута в сторону от нормальности. Это проявляется в мелочах, но постоянно. Она немного, совсем чуть-чуть не вписывается в этот мир. Натывается на косяк или рушит тумбочку, как будто привыкла водить феррари, а ее посадили за руль грузовика и она не чувствует габариты машины. Употребляет паронимы или слегка адаптирует термины. Например, вместо «единственное число» говорит «единичное число», а вместо предложный падеж — «предложенный падеж».

Она всегда чуточку неуместна, не умеет вовремя остано-

виться и из милой очаровашки мгновенно превращается в назойливую болтушку, а из девочки с креативным взглядом на мир — в дурочку, несущую полную ерунду.

У меня настойчиво всплывают в памяти уроки физики. Мы с подружками ужасно смеялись тогда над выражением «сдвиг по фазе на π пополам ($\pi/2$)» и даже использовали в качестве дразнилки: «ну ты что, не понимаешь? У тебя что, сдвиг по фазе на π пополам?».

Но вот теперь я смотрю на дочь и вижу тот самый сдвиг. Она как будто немножко инопланетянка, и вроде бы все неплохо, полностью вписалась в культуру, но иногда проглядывает в ней такая инакость, чуждость, неотмирность.

И мне становится страшно. Хочется удержать, заземлить, привязать лианами к окружающей реальности. Потому что непонятно, как наши законы физики действуют на этих, с $\pi/2$...

А когда страшно, я всегда зову маму. Не только я, вообще-то многие кричат «мамочки мои!», заведя мышь или внеплановый отчет. Но мне повезло: я могу не просто риторически верещать, а взять телефон и набрать номер. Мама живет в другом городе, но мы разговариваем не реже нескольких раз в неделю.

— Это нечестно. За что мне все это? Я же была хорошим послушным ребенком. Да?

— Конечно, милая, но любой ребенок — это напряг.

— Но Дана — это уж слишком. С ней я становлюсь ка-

ким-то безумным кальмаром и бросаюсь на людей.

— Почему ты злишься? — специальным «родительским голосом» уточняет мама.

— На утреннике она забыла слова, юбку задрала. Опять жевала пояс! — возмущенно подпрыгиваю на диване я.

— Даже школьники часто забывают слова, когда волнуются. Она же еще маленькая. Так почему ты злишься?

— Все смотрели и думали, что мы идиоты. А мы с ней учили этот стихотворение, как проклятые!

— Дураков вокруг всегда полно. Почему ты злишься?

— Да потому что ей вообще плевать, что люди скажут. Ведет себя как ребенок-маугли.

— А почему ты не можешь себе позволить не думать, что скажут другие?

— Нельзя же так!

— Видишь, можно.

— Не, ну это уже за гранью. Ты вообще на чьей стороне, я не понимаю? — выбегаю на балкон и утыкаюсь лбом в развешенное белье.

— Всегда на твоей. Но ты сейчас что хочешь, чтобы я сказала, что все дураки, а ты хорошая или чем-то конкретно помогла?

Вытираю лицо влажной простыней. Хочу на ручки и чтобы им всем дали по башке. Правда, непонятно, кто эти загадочные «они». Ведь не Дана же с Лешкой. И не директор школы раннего развития, и даже не илюшина мама Вален-

тина.

— Помнишь, когда ты была маленькая и злилась, то утыкалась мне в живот и кричала «аааа»? Хочешь также поорать? — вдруг предлагает мама.

— Аааа — шепотом кричу я.

— Не, ну это не серьезно. Надо заорать настолько же, насколько ты злишься.

Представляю, как засовываю себе кляп из недо-сохшей простыни и хриплю «ааааа». Соседи точно вызовут полицию.

Начинаю смеяться.

— Ладно, давай считать, что я уже поорала. Хорошо?

— Ничего хорошего, но у меня 10 минут до автобуса осталось. Поэтому кратко. Вы к утреннику готовились, наряжались, стихи учили, да?

— Ну да, — киваю я.

— И ты представляла, как Дана выйдет...

— Да, выйдет, такая красивая, с локонами — мы ей локоны завили, представляешь. И не эту фигню детскую прочитает, а Цветаеву. Она же у меня не как все, она особенная. Значит, должна быть особенно крутая. И она же все рассказывала дома, а на сцене...

— Такая чудесная картинка, правда?

— Я сижу в зале и горжусь ей. И она улыбается — счастливая-счастливая! — мечтательно вытираю навернувшуюся слезу уголком пододеяльника. Реву сегодня весь день, про-

сто день осадков какой-то.

— И за этой шикарной мечтой совсем не видно Дану.

— Что?

— Ты нарисовала такую прекрасную картину, что не хочешь видеть своего настоящего ребенка. Потому что тебе... что?

Тьфу, отвратительный запах у ополаскивателя. Химический какой-то. Отбрасываю полотенце пододеяльника в сторону, но он снова лезет в лицо, как щенок, который обожает лизаться.

— Что ты имеешь в виду? Что мне стыдно? Да, мне стыдно, что Дана не такая, как нормальные дети. Ты считаешь, я не имею права стыдиться? Или что? Да я уже на полголовы с ней поседела. А по вторую половину облысела и неровно обросла!

— Стыд — это на поверхности. Как пенка у капучино. Не в нем дело. Просто подумай, почему ты злишься.

Выпустив эту парфянскую стрелу, мама вешает трубку.

А я растерянно стою, заблудившись в трех простынях на собственном балконе. Потому что не знаю, как ответить на этот простой вопрос. Действительно, почему я злюсь?

Глава 3

Вопрос, почему меня настолько выводят из себя собственные дети, оказался совсем непростым. Я отвечала на него до сентября и каждый раз получала разные ответы. Мысленные тараканы, которых мне удавалось отловить, отличались упитанностью и проворством.

Первого мне сдала мама. Его звали Крушитель планов и он выделялся зеленым хитином и могучим телосложением Халка.

Попадался он часто. Например, я вспомнила, как приходила домой с работы, уставшая, но благостная. Думала, что сейчас наконец-то отдохну, мысленно устраивалась на диване, со стоном наслаждения расслабляла поясницу. Вот только планы грубо нарушались: с порога приходилось кого-то кормить, успокаивать, чинить сломавшиеся машинки, восхищаться нарисованной калякой-малякой, разбираться, кто будет сегодня сидеть на стуле у холодильника.

И мое расслабленное настроение тут же сменялось раздражением. Из-за масленка я вообще чуть не выкинула в помойку любимую рубашку мужа.

Когда Дана была маленькая, она обожала играть в прятки. И в тот день на мой вопрос «Чем вы тут занимались?» домашние ожидаемо ответили, что играли в прятки.

— И кто прятался?

— Ну-у-у... — Леша скосил глаза в сторону ноутбука. — Дана все прятала.

Философское спокойствие — именно то состояние, которое необходимо раздавать всем мамам в роддомах. Мне недодали. И, чувствуя, как быстро испаряются остатки надежды на отдых, я спросила, как можно ласковее:

— Доченька, что ты спрятала?

Дана надулась и ушла в другую комнату. Знает, что когда мама такая вся ласковая и улыбается, как крокодил, то тут что-то не то.

Со вздохом покосившись на диван, я театрально воскликнула «Ку-ку! Я иду искать».

Дана счастливо хихикнула из-за дверей.

Ага, значит в маленькой комнате спрятала, — поняла я, — шумно заглядывая в шкафы.

— Не здесь ли притаился маленький... Маленький... — я оглянулась на дочь.

— Масленок! — подсказала та.

— Масленок? — Это что же она могла спрятать? Вроде никаких грибов я не покупала. Ботинок свой коричневый, что ли?

Поиски масленка меня изрядно вымотали. Тем более, что под кроватью обнаружили обертки от конфет, старый телефон, лешин любимый носок и карандаши.

— Все. Я пошла отдыхать. Ты тут сама поиграй, — в конце концов, невозможно быть хорошим родителем 24 часа в

сутки. Надо когда-то и человеком оставаться.

— Не нашла! Не нашла! — обрадовалась дочь. — Вот он — смотри!

Дана триумфально перевернула корзину с бельем, среди которого расплзлся полностью растаявший брикет сливочного масла.

И тут я, конечно, не выдержала — взорвалась. И на маслята с тех пор реагирую немножко нервно. Да и как не злиться, если ты построил такие прекрасные планы, а их разрушили. Как спринтер, который уже протянул эстафетную палочку и предвкушает заслуженный отдых, а ему говорят, что это не спринт, а марафонская дистанция. Поневоле на русский непечатный перейдешь.

Но Крушитель планов еще не самое страшное. Гораздо опаснее Тяжкая крестяга. Этот изможденный таракан любил сесть в углу и демонстративно кряхтеть. Несмотря на то, что его, казалось, можно было перешибить взглядом, данный насекомец почти не поддавался отлову. Более того, пообщавшись с ним, все окружающие тоже начинали стонать и кряхтеть.

Тяжкая крестяга утверждал, что дети — это очень трудно, скучно и вообще не по силам.

Из-за него я периодически говорила своим знакомым: «С каждым следующим ребенком мне все больше нравится режим «чайлд-фри». Знакомые вежливо смеялись. Но на самом деле я была почти серьезна. Иногда я понимала, что

просто не создана быть матерью: ведь рождаются же люди без слуха или без голоса. Между прочим, талантливых родителей не больше, чем талантливых музыкантов, но, видимо, для того, чтобы человечество не вымерло окончательно, полагаясь только на гениев, все остальные тоже могут рожать детенышей.

Мама, которая всегда была для меня идеалом, признавалась, что ей было ужасно скучно играть с маленькой мной. Еще ее бесила жесткая пристегнутость к обязанностям. Нельзя разом перестирывать все пеленки, накормить и нагулять ребенка впрок, на пару-тройку деньков вперед, а потом — расслабиться, отдохнуть. Нет! Все — по часам, все — каждый день, если и образуется какой-то просвет то это час-два, не больше. А что ты успеешь сделать за час-два? Даже и не выспаться как следует...

— Да я сначала даже не могла вспомнить, как тебя зовут, — смеялась мама. — Просыпалась ночью и не могла сообразить. Бормотала что-то вроде: «Эй, ты, как там тебя, ну, иди сюда, ну, не плачь, все хорошо... Э-э...»

У нее лет семь после родов при виде молодой мамы с коляской, сразу в голове возникала единственная мысль: «бедняжка!...»

И ведь при этом мама не терзалась мыслью, что она плохая мать. А я все время чувствую, что не дотягиваю до звания «хорошего родителя». Постоянно чего-то недодаю детям, не вожу их на достаточное количество кружков, не играю с ни-

ми так, как надо, разрешаю уткнуться в телефон по вечерам, сахар у Даны порой прыгает вверх-вниз как сайгак.

«Я плохая мать» — мой мысленный таракан-самка, она испускает специальные ядовитые феромоны, отравляющие все вокруг.

Я была хорошей девочкой, хорошей дочерью, хорошей ученицей. Почему у меня не получается быть хорошей мамой? Кто в этом виноват? Не может же быть, чтобы я — я уже доказала, какая я хорошая. Это все потому, что у меня неправильный ребенок. Если его исправить, то я буду просто идеальной матерью.

И не говорите мне, что их не бывает! Вот Валентина, например. У ее Илюши даже носочки отглажены и выстираны со специальным антиаллергенным порошком. Когда мы трескаем бутерброды, он изысканно подкрепляется морковными палочками.

Тогда как Дане манеры маленькой принцессы никак не прививаются. Она предпочитает скорость и удобство, поэтому во время еды смахивает на бомжа, облюбовавшего укромный уголок. Голова опущена, локти на столе — защищают добычу, закрывают от разных форс-мажорных обстоятельств, рука с ложкой работает быстро: не успеваю я разогреть цветную капусту, как супа уже нет.

И с занятий другие девочки выплывают, как маленькие куколки, изящно склоняясь под тяжестью портфелей. Данка не желает клониться и тащит портфель волоком, волосы тор-

чат вокруг головы призрачным ежом. Как тут не почувствовать, что у всех дети как дети, а я мать-ехидна?

Свекровь спрашивает: «Неужели и с третьим ребенком не прочувствуешь, что высшее счастье женщины — заниматься детьми? Мне, когда Лешенька родился ничего уже не было нужно, — обвиняюще резюмирует она. — Ладно, девочки. Но ведь теперь у тебя есть сын».

Я оскорбляюсь. Во-первых, за девочек. Чем это мои дочери плохи? Во-вторых за себя: только я одна имею право рефлексировать на тему «я плохая мать». А близкие родственники обязаны воздвигать мне памятники в полный рост. И, конечно, злюсь внутри. Злюсь, злюсь, злюсь.

Но недавно я нашла еще один — неожиданный — ответ на вопрос о причинах раздражения. Этот таракан вообще не походил на таракана. Я обнаружила его случайно: столкнулись с ним лбами, когда вместе потянулись за наградным кубком. Его звали «Я=мой ребенок».

Дело было так. Я купила Дане кубок. Точно такие же в «Малышке» давали победителям в конкурсе поделок. Нам не дали, хотя данины пластилиновые драконы обаятельно улыбались во всю пасть.

— Вот, Дань, это тебе — кубок. Твои дракончики были самыми веселыми!

Дочь взяла подарок, ласково погладила завитки, и вдруг швырнула в сторону:

— Мне уже не нужно. Подавитесь!

Я ошарашено открыла рот, чтобы спросить: «ты что?!», как вдруг внезапно поняла — что. Когда мечта сбывается не вовремя — это очень больно.

Я и сама до сих пор делаю некоторые проекты только потому, что хочу получить результат, а потом швырнуть его кому-то там наверху и заорать: «нате, подавитесь!».

Я как будто переселилась в Дану: ей/мне три года, она катается по полу и вопит, что колготки колючие, она их не наденет, надо пушистые. И когда ей — мне! — подносят правильные, пушистые, я швыряю их и кричу: «Подавитесь! С утра надо было эти колготки давать! До садика!». И захлебываюсь плачем, и сладко всхлипываю, повторяя «подавитесь, подавитесь», чувствуя себя гордой и сильной. И засыпаю на шершавом ковре с ощущением собственной непобедимой правоты.

Когда Дана плохо, обидно, когда она позорится на сцене, я чувствую, что все это происходит со мной. Это Я не получила кубок вовремя. Я забыла слова на утреннике. Я=мой ребенок. И все чувства, переживания, обиды возводятся в степень и грозят сорвать крышку на кипящем чайнике моего раздражения.

Но я принимаю вызов, хотя мне противостоит не отдельное Тараканище, а целых четыре боевых единицы: «Крушитель планов», «Тяжкая крестяга», «Я плохая мать», «Я=мой ребенок».

Мы еще посмотрим, кто кого.

Глава 4

Первого сентября мы старательно наряжаемся. Дане очень нравятся школьная блузка и новые туфельки, я в кои-то веки надеваю платье — оно темно-синее, в тон школьной форме дочерей, и я чувствую себя на одной волне с ними. Как будто тоже иду учиться в школу, не в первый класс, конечно, но, к примеру, в одиннадцатый. Там ждут подружки и мальчик, который тебе нравился, и есть ощущение всеобщей, сбивающей с ног надежды — этот год будет интересным, хорошим, добрым.

Майя наводит невообразимую красоту, отобрав у меня остатки косметики. У старшей дочери гораздо больше тюбиков, флакончиков и коробочек: я практически не пользуюсь ни тенями, ни тушью, ни помадой — все прихватилизировала дочь. На мой вкус, ее юное лицо во всей этой куче декоративных средств не нуждается, в отличие от некоторых мам, но я еще не настолько деградировала, чтобы не понимать: стоять между подростком и его боевой раскраской — чревато.

Сначала мы идем на линейку к Дане, а потом Майя нас бросает и отправляется на свой собственный первый звонок.

— В шестом классе уже не думаешь об этой мишуре, — учит она сестру, тщательно прокрашивая ресницы. — У нас уже другие увлечения.

Дана восхищенно смотрит ей в рот. В буквальном смыс-

ле слова: во время нанесения туши Майя всегда складывает губы в виде буквы «О». Дана старательно гримасничает, повторяя.

— Нам пора! Опаздываем! Почему, если живешь далеко от школы, то всегда приходишь заранее, а если в двух шагах — вечно опаздываешь? — риторически вопрошаю я, хватая сразу три букета.

Совсем не помню, как вела Майю в первый класс. Мне кажется, было иначе: мы знали хоть кого-то в толпе новых учеников, стояли вместе с Лешкой в первых рядах. В будущем Данином классе мы с ней не знаем никого, даже учительницу. А нет, уже знаем — вот она стоит с табличкой 1 «А». Женщина выдающихся достоинств — не факт, что я бы обхватила ее в бедрах обеими руками, это настоящая валькирия, увенчанная тяжелыми косами.

Гимн гимназии. Речь почетного гостя. Речь представителя администрации. Речь директора. Первоклашки стояли плотно, почти упирая букеты в землю. Я быстро обежала толпу с другой стороны, чтобы увидеть Дану. Не упал ли сахар? Или, наоборот, поднялся? Как бы померить? Не бежать же через всю площадь, расталкивая учителей и директора.

О! Вот наша учительница. Как ее зовут? Акулина Акиньфеевна? Анастасия Андреевна? А, вот, на бейджике указано — Александра Алексеевна. Надо законодательно запретить учителям со сложными именами преподавать в младших классах. Хотя вот у моей однокурсницы сын обожал

двух своих садиковских воспитательниц: одну звали Алина Рамисовна, а вторую — Алена Мударисовна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.